

Ягодная лягушка

Быть может, Преисподняя слишком сильно отстала от верхнего мира: устаревшие седельные подушки, истертые шахматные доски, статуи банши, вечно ожидающие того, кто обновит их лик. Всё здесь казалось слишком старым, до зевоты дряхлым. Вероятно, именно поэтому женщины то и дело возвращали шерсть в прялки, а мужчины с усилием выдирали из древесины намертво вбитые гвозди. Желание сделать «сегодня» непохожим на «вчера» — похвальная, хоть и зачастую тщетная жизненная позиция.

К счастью, этот ветшающий мир неустанно подкидывал поводы для привыкания к новым условиям. Пять месяцев Сезона серого тумана исподволь меняли пространство, пока однажды в поднимающиеся клубы дыма не вплелись ядовито-зеленые нити. Ветер подхватил их, растягивая по горизонту нежные, точно шелк, завесы. Тогда обитатели поместья поняли: наступил Сезон зеленого тумана.

Уровень воды в реке начал стремительно расти. Буквально за одну ночь сорняки заполнили землю, и даже черный железный терновник выказал явные признаки возвращения к жизни. Заросли шиповника и дикого винограда на внешних стенах замка множились с каждым часом, и в воздухе разлился густой, до головокружения приторный цветочный аромат.

В первые же дни Сезона зеленого тумана только начавшая налаживаться жизнь была застигнута врасплох чередой нелепых случайностей. Главной бедой стала ягодная лягушка — странный гибрид растения и животного, зародившийся на цветах земляники. В «младенчестве» её чашелистики выделяют пыльцу, служащую исключительно для приманивания добычи. Насытившись, цветок закрывается, и внутри начинает зреть плод. В период созревания он отрывается от стебля, превращаясь в прыгучую клубничную лягушку. Эти существа немедленно приступают к размножению, откладывая икру, которая служит семенами для новых всходов. Сами же лягушки беснуются в полях, оглашая окрестности неумолчным кваканьем, от которого голова идет кругом. Они — истинное наказание: их легко не заметить и раздавить прямо на дороге, после чего подошвы становятся липкими, и каждый шаг превращается в мучение.

— Помните: клубничная лягушка и малиновая лягушка — это два совершенно разных существа, — гусь-монстр вещал на ходу, поучая всякого встречного. — Малиновую лягушку, которую мы иногда зовем «малиновой лягушкой», можно найти в кустарниках. Ей нужно опыление, и она всю жизнь остается на ветке. Да и вкус у них разный... Как кулинар, я рекомендую выбирать малиновых, они куда более —

Проходивший мимо Фарфадэ бросил на повара мимолетный взгляд, заставив того мгновенно свернуть лекцию.

— Впрочем, если вам нужен покой, придется проредить популяцию этих шумных тварей... Всё равно в следующем году они вылезут бог весть откуда! Сделаем ловушки! Самочкам нужно

теплое, влажное и питательное место для икры, так что лучше набрать побольше ила и добавить... «удобрений» — кажется, так это называется? Если поставить клетки с такой приманкой, можно наловить целую кучу. А где самка, там и самцы — один такой привлечет целую стаю!

— Но как их отличить? — спросил кто-то. — Они же на одно лицо!

— Откусишь и узнаешь! — хохотнул гусь. — Народная мудрость гласит: от самца всё нутро кислым сводит, а от самки глаза сладостью застилает!

Вечером все — от мала до велика — собрались в самом уютном, по их мнению, месте. Расположившись на подстилках из камыша и глядя на серо-зеленые просторы, люди разбирали лягушек из корзин, откусывая им задние лапки, чтобы проверить — кислая попалась или сладкая. Плотник Эрнст в перерывах между изготовлением лестниц сколотил ловушки с падающими заслонками. Как и предсказывал повар, всего за два дня были пойманы тысячи клубничных лягушек. Кислых отправили на корм бальзаминовым соловьям в ботаническом саду, а сладких переработали в бочки с густым клубничным токсичным соком.

— Живая лягушка выделяет в организме особую слизь, которая нейтрализует её собственный яд, поэтому их можно есть живьем. Но стоит им издохнуть — пиши пропало. Да и если съесть слишком много, можно заработать обезвоживание. Эх, всё-таки малиновые лучше — из них и вино знатное выходит.

— Зачем же тогда вы приказали жать из них сок? — поинтересовался помощник Эйдан.

— Чтобы проверить, удастся ли в ходе экспериментов найти способ нейтрализовать яд и превратить это в изысканное блюдо! — радостно вскинула руку Эйтель.

Эйдан перевел взгляд с повара на свою подругу, не зная, как выразить протест. Большинство того, что они сейчас ели, было результатом причудливых экспериментов Ансеринуса. Тот гарантировал лишь отличный вкус и отсутствие мгновенной смерти, а побочные эффекты... Да кого они волнуют!

Фарфадэ же распорядился выкорчевать все клубничные кусты в округе. Уж слишком много было шума.

Не успели люди перевести дух, как река, доселе мирно дремавшая, внезапно взбунтовалась. Словно желая принять участие во всеобщей суете, водный поток перестал признавать берега; его узкое русло с каждым днем становилось всё шире и мощнее. Тихая речушка исчезла, уступив место неумолимой стихии.

Замок, выстроенный на возвышенности, был в безопасности, но поля оказались под угрозой. Пока люди в спешке спасали урожай пшеницы, даже Фарфадэ невольно прошиб холодный пот. Если бы он не совершил тот поход и не привез кровь баранца, Гвидо не смог бы создать

стимулятор роста (разбавив скудные ингредиенты в объемистое средство — при этом Гвидо бурчал, что в следующий раз господину стоит поручить такую работу кому-нибудь другому). Сочетание крови магического зверя и кухонных отходов повысило урожайность почти на двадцать процентов, а скорость созревания — на пятнадцать. Пшеница поспела аккурат к началу затяжных ливней, оставив людям лишь узкое окно для жатвы.

Еще бы немного — и всё было бы напрасно.

Картофелю повезло меньше. Удалось спасти лишь часть урожая, которую теперь спешно сваливали в хранилищах. Спустившись вниз, Фарфадэ застал момент, когда люди собирались перетаскивать древесину. Часть срубленных стволов лежала в крытых галереях, но самые огромные бревна, которые притащили усилиями пятерых человек, всё еще оставались во внутреннем дворе и снаружи. Их нужно было перенести в места, где не застаивается вода. Черный дождь, разъедаая одежду, вгрызался в кожу; влага пузырилась на теле болезненными волдырями, которые невыносимо зудели. Одежду можно зашить, раны со временем заживут, но работу бросать нельзя. Люди трудились слишком долго, и страх того, что всё пойдет прахом в последний момент, гнал их вперед. Фарфадэ щелкнул пальцами, и в его руки опустилась увесистая книга — именной реестр.

Это тоже стало частью его рутины. Он велел Виладуану отозвать самых безрассудных и упрямых — тех, чье душевное рвение не знало границ. В любом деле всегда найдутся люди, готовые костями лечь ради результата. Фарфадэ видел, что их состояние близко к критическому, и приказал им немедленно отправиться на отдых.

— Белла, Предиси, Капалай... а также Луланни и Люси. Этих вернуть в замок силой.

— Слушаюсь, мой господин.

— И Сольдорн... Он выглядит хуже всех. Его — в первую очередь.

Вскоре большинство из тех, кого он назвал, были пригнаны под кровлю галереи. Повелитель Демонов ждал их у одной из колонн. Он старался казаться равнодушным, но плотно сжатые губы и глубокая складка между бровей выдавали его беспокойство. Он велел выдать каждому по чашке горячего чая, чтобы смыть металлический привкус во рту — некоторые жадно глотали напиток, другие же сплевывали кровавую слюну прямо на землю. Лишь после этого Фарфадэ принялся магией выжигать заразу, что пыталась проникнуть в самую глубь человеческих тел. Гром обрушился внезапно, словно само небо расколосось надвое; вспышка молнии озарила его красные глаза. В ритме этих электрических разрядов голос Фарфадэ прозвучал особенно холодно:

— Итак... где Сольдорн?

— Говорят, его никто не видел с сегодняшнего утра, — помрачнел Виладуан. На его легком доспехе уже зияли дыры, проеденные едкой влагой.

Черный, безумный, абсурдный ливень продолжал неистово хлестать по земле, монотонно барабанил по крышам, словно пытаясь стать голосом тяжелых свинцовых туч.

<http://bllate.org/book/16116/1586658>